

УДК 94(571)17

Березиков Николай Александрович,
Институт Археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук,
warumbaum@gmail.com

**Правовые и символические аспекты легитимации казаками
политической власти на новых территориях. Сибирь XVII в. ***

Аннотация: В статье описывается восприятие острогов русским населением Сибири в XVII в. В центре проблемного поля автора находятся процессы политической идентификации присоединяемых земель и ее легитимации. Политическое при этом понимается в широком контексте, включающем этно-политические и социокультурные аспекты. Острог рассматривается как материальный объект, который опосредовал политическое и социальное взаимодействие, форматировал интеракцию, закреплял ее и наделял объективностью. Острог – медиатор, материальный объект, связующий «внутреннее» и «внешнее», деятельность и подвижный, изменчивый мир за его пределами. Острог как материальный объект был «якорем» политического, социального, этнокультурного взаимодействия. На широком источниковом материале, включающем донесения казаков-землепроходцев 1620–1680-х гг., сибирские летописи XVII в., карты С. У. Ремезова конца XVII – начала XVIII в., русский фольклор Сибири XVIII–XX вв., показано, что острог в коллективных представлениях русских превратился в полисемантический, многосоставной политический и социокультурный символ. Превращение «чужого» пространства в «свое» начиналось с острога – военного укрепления, временного укрытия и временного жилища, построенного в полевых условиях. Военный объект как символ сплочения населения, заселяющего новые земли, отразил специфику первоначального этапа присоединения Сибири. Символизация политического господства – адаптационный механизм, которая российская власть задействовала в целях своего укоренения в Сибири. Острог опосредовал общение между русскими, представлявшими Московское государство, и коренными народами. Остроги рассматривались как новые центры территории, которую пришли осваивать, как доказательство величия власти и могущества московского царя, как места, где разворачивалась судьбоносная трансформация политического и социокультурного положения Сибири и ее коренного населения с присоединением к России. Автор приходит к выводу, что острог стал ключевым символом, который использовался в русской культуре XVII в. для формирования

---

* Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-
© Н.А. Березиков, 2014

идентичности пришлого и коренного населения и обоснования притязаний государства на новые территории.

Ключевые слова: XVII век, Сибирь, казаки-землепроходцы, служилые люди, присоединение Сибири, остроги, аборигены, новые земли, историческая география, С. У. Ремезов, летописи.

В современной обществоведческой науке политическая идентификация охватывает широкое поле понятий, связанных с процессами причисления групп и индивидов к политическим структурам, формирования политической идентичности и ее легитимации. Политическое при этом понимается в широком контексте, включающем этно-политические и социокультурные аспекты [1. С. 7–24; 2; 3; 4; 5; 6;]. Одно из направлений применения данных теоретических концептов в исторических исследованиях – проблемы присоединения новых территорий и расширение границ государства. Применительно к истории России XVI – начала XX в., периода активного территориального прироста, такого рода работы проводятся преимущественно на материалах XVIII–XX вв. в аспекте взаимоотношений уже сформированных центра и периферии, тогда как более раннее время, период первого опыта административно-политического освоения новых территорий, остается менее изученной темой.

Однако именно во второй половине XVI – первой половине XVII в. Россия, говоря словами В. О. Ключевского, «приобретает» большую часть своих азиатских владений и начинает выстраивать отношения с их обитателями. Нельзя сказать, что эти вопросы совсем находились за горизонтом интересов исследователей: косвенным образом их нельзя было не затронуть в трудах по истории присоединения Сибири к России. Но лишь в последнее время как отдельная исследовательская проблема был поставлен вопрос о том, каким образом русские «присваивали» себе Сибирь, вводили ее в пространство Московского государства, делали его своей частью в конце XVI – начале XVIII вв. К этому ряду исследований относятся работы А. А. Люцидарской [7; 8; 9; 10], Л. Р. Павлинской [11], А. С. Зуева [12; 13], Д. Я. Резуна [14; 15], А. Ю. Майничевой [16], Л. И. Шерстовой [17; 18], М. П. Романьелло [19], М. Ходарковского [20], В. Кивельсон [21], С. Витценрата [22].

Обзор литературы показывает, что вопрос политической идентификации сибирских «землиц» и «иноземцев» и легитимации русской власти в Сибири в конце XVI – начале XVIII в. далек от разрешения.

Вместе с тем предпринятые предшественниками попытки подхода к этой теме определили принципиальные позиции в ее понимании. В данной статье хотелось бы обратиться не к географическому воображению вообще, а пойти одним из методов исторической этнографии, когда исследователь создает целостную картину постепенно, по кусочкам, каждому из которых дается многослойное детальное описание (*thick description*, в терминологии К. Гирца [23]). Таким «кусочком» выбран образ сибирского острога, каким он представляется в русской культуре XVII в.

Статья основывается на теоретическом положении о культурном ландшафте как «информации, сохраненной в символической форме, <...> <которая> отчасти функционирует как нарратив» [24. Р. 461]. Символы становятся динамическими структурами, «регулирующими механизмами, которые упорядочивают и контролируют потоки информации» [24. Р. 460], «частью, которая в силах создать целое» [25. Р. 23]. Таким образом, в фокусе исследований оказываются «символические качества ландшафтов, которые создают социальные значения» [26. Р. 96].

Сибирский острог в статье рассматривается как часть культурного ландшафта, который использовался в качестве этнического, политического, социального маркера и символизировал новую этнополитическую конфигурацию. В рамках используемой концепции предполагается, что за образом острога, представленном на страницах рукописных «отписок» казаков и воевод, летописей, географических карт С. У. Ремезова, быличек, песен и рассказов сибирских старожилов, скрывается целый пласт мировоззренческих представлений русских переселенцев о Сибири, аборигенах, родине, прошлом и будущем, своем и чужом, войне и мире, границах возможного, уместного и неуместного.

Судя по этим источникам, образ острога занимал весомое место в представлениях переселенцев. Он обладал большой символической нагрузкой, определявшей рамки политико-идеологических конструкций.

По отношению к «новым земляцам» острог виделся русским их серединой, понимавшейся как центр и как сердцевина. Острог «центрировал» ту область, в которую приходили казаки-землепроходцы, придавал ей упорядоченность и вовлеченность в актуальный мир. Через трансляцию образа острога и связанных с ним дискурсов происходило «убеждение» населения (как коренного, так и пришлого), что Сибирь меняла свой статус, становясь владением «белого царя».

Представление о «срединности» определяет логику письменных донесений казаков о постройке острогов в «новых земляцах». В их донесениях подчеркивается этот момент срединного расположения воздвигаемых острогов и острожков. Так, И. Галкин в отписке 1632 г. отмечал, что они «поставили тут на Лене реке острог среди многих землиц в угожем месте»¹. П. Бекетов в 1633 г. докладывал, что «поставил государев острожек... против якуцкова князца Макаскова улусу и меж многими улусы среди всей земли»². Другой казак-землепроходец, К. Иванов, вышедший на территорию Бурятии, писал в 1629 г., что необходимо «на Усть-Куты на Лене реке середь вражине земле поставить острог, потому что прилегли многие пашенныя места и ясачные угодыя рыбныя и иныя и зверныя и чтоб впредь та, государь, земля была пространна и прибыльна и стоятельна»³. В изветной челобитной 1653 г.

---

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 385.

² Там же. Стб. 368. Л. 171.

³ Там же. Стб. 402. Л. 159.

есаула С. В. Полякова, отправившегося покорять область Амура, говоря об успехах своего похода, он отмечает, что «из девяти гиляцких родов в Гиляцкой земле девять добрых гиляцких князьцов поймали и в аманаты посадили. И среди Гиляцкие земли острог поставили тебе, государю, з башнями, и тарасы зарубили, и хряшем насыбали для ради иноземсково приходу»¹.

На миниатюрах «Кунгурской летописи», повествующей о походе Ермака и строительстве первых поселений русских в Сибири, изображение каждого острога помещено в центр композиции. Остроги нарисованы художником среди луговых пастбищ аборигенов (статья 53), лесов (статья 121), горных хребтов (статья 123), юрт аборигенов (статья 146). Квинтэссенцией этого приема является изображение «града Тобольска», окаймленного солнечной короной (статья 19). На этих миниатюрах пространство Сибири уподоблено небесному своду, на котором место звезд заняли остроги, а место солнца отдано Тобольску [27. С. 25, 27, 28, 31, 11].

Аналогичное композиционное расположение острогов характерно для «Чертежной книги Сибири» [28, с. 9, 14, 17, 24 и др.)] и «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова [29] (главы 38, 44, 50, 51, 82 и др.). На картах прорисованы стены и постройки внутри острогов. Вокруг большинства из них изображен пасущийся скот, к воротам устремлены люди со шкурками пушных животных и плодами урожая, к речному берегу причаливают корабли. Нарушая пропорции, в увеличенном размере, картографом прорисованы кресты и иконы на башнях острогов и церквях.

Эти иллюстрации к тексту летописи и на картах были призваны создать образ острога как центра организации нового порядка и притяжения всего окрестного населения. Православная атрибутика символизировала переход изображенного пространства под власть московского государя.

Срединное положение острога отчетливо прослеживается и в сибирской фольклорной традиции русских. В рассказах старожиллов устойчиво повторяется сюжеты об остроге, куда собирались все русские, открывавшие новые территории: «В то время по Селенге ни одной русской души не жило, русские тогда только Верхнеудинск и знали. На Уде острог стоял. Туда все русские и собирались» [30, с. 85].

Что воплощал в себе острог как «срединное место» в представлениях казаков? Центром чего он выступал? Каким образом с ним была связана «новая земля» – понятие, в которое тогда вкладывали значение как собственно территории, так и населения, проживающего на ней?

Острог виделся средоточием власти и силы, местом, где «неясчные иноземцы» приобщались к государевой милости, становились под защиту его «высокой руки», переходя в разряд его подданных. Это прямо подчеркивалось в царских грамотах, выдававшихся казакам перед походом: «И велено нам холопом твоим по твоему государеву указу на Лене реке острог поставити,

---

¹ Там же. Стб. 460. Л. 14.

чтоб те немирные земли были тебе государю за тою крепостию прочные и постоятельны»¹. В ответ казаки рапортовали, не менее четко выражая ту же мысль: «И яз Петрушка... оставил в Новом острожке на Лене реке енисейского сына боярского Парфена Ходырева для того, чтоб те князцы навсегда от государьской высокоя руки были неотступны и ясак бы с себя давали по вся годы»².

Конфликты с местным населением приводили к созданию образа острога как неприступной крепости, стены которого сплавивают и объединяют всех колонистов перед лицом «немирных иноземцев». Образ острога, которого «облегли» «воинские люди», ярко запечатлен как в административных документах эпохи, так и на картах и в фольклоре.

Казаки П. Бекетова в коллективной челобитной 1632 г., описывающей их поход в «новые землицы по великой Лене реке», создали очень колоритный образ того, как они защищали Новый Ленский острог. В этом образе воедино переплелись два мотива – мотив противостояния «немирным иноземцам» и мотив единения товарищей по походу. «И мы, государь, холопи твои... против их великово якутсково собрания единодушно мужески ополчась вышли из острошку на берег Лены реки, а иные, государь, вряде сели в острошке по местом непреклоннем, все заедино имуще помереть за тебя, великово государя»³.

Сибирские летописи, повествуя о походе Ермака, в подробностях описывают осаду войском князя Карачи города Сибирь. Этот город был взят казаками в первую зиму их пребывания в Сибири (1582–1583 гг.). Уже весной татарское войско взяло крепость в осаду. Положение дружины, ослабленной голодом и болезнями, было шатким, а ее будущее призрачным. Речь шла уже не о сохранении отряда как целого, но о выживании каждого казака поодиночке. Но дух товарищества, словами летописца, был поддержан и восстановлен необходимостью держать осаду и отстаивать крепость всей дружиной, которая стала «крепце» и смогла «отправить вражие восвосяси со срамом» [31, с. 145–146, 286–287, 302, 217–218, 253–254, 267, 102, 35–36, 81].

В сибирском фольклоре русских представлен яркий художественный образ того, как из удалых молодцев, составлявших население первых острогов, выковывалось казачество как единая и грозная сила. «А и вверх по матке Селенге по реке, // Из верхнего острогу Селендинского, // Только высылка была удалым молодцам, // Была высылка добрым молодцам, // Удалым молодцам, селендинским казакам» [32, с. 117].

В фольклоре русских старожилов Сибири запечатлена отчаянная борьба казаков за остроги, которая порой заканчивалась сожжением острога. «Русские так далеко пробрались... Когда за Яблоневый хребет перевалили, там дело туго шло. Поставят они острог или зимовье, откуда ни возьмись –

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 384.

² Там же. Стб. 368. Л. 173.

³ Там же. Стб. 368. Л. 155-156.

наскочат на него с Амура – был таков, да не стало, один пепел говорит, что русские здесь были» [30, с. 85].

Более того, можно утверждать, что в сознании казаков лишь возведение острога закрепляло их главенствующее положение на новых территориях. Это было переломным моментом в хронологии присоединения Сибири, до которого «новые землицы» рассматривались вне русского влияния и за пределами освоенного пространства.

Это представление, в свою очередь, сразу определило обоснование неправомерности любых актов сопротивления аборигенов после строительства острога. Донесения казаков-землепроходцев, посвященные описанию нападений, проникнуты негодованием и констатацией их абсолютной преступности. В одном из них выражение возмущения повлекло за собой даже невольный повтор слова, несущего ключевую смысловую нагрузку (выделено курсивом): «И приехав *изгоном* к нам, холопом твоим, *изгоном многие* тунгуские люди войною, и нас, холопей твоих, на усть Нерчи реки осадили, и острогу поставить нам, холопом твоим, не дали... на усть Нерчи реки»¹.

Впоследствии с расширением хозяйственной деятельности русских (в Западной Сибири раньше, в Восточной – позже) увеличилась и площадь их расселения, которая уже не ограничивалась посадками вокруг острогов. Однако в представлениях русских еще долгое время все освоенные территории идентифицировались с образом острога. Административно-географическая принадлежность пашен, сенокосов, деревень и заимок соотносилась с конкретным острогом, мыслясь как его неотъемлемая часть. Для их обозначения использовалась такого рода словесная формула: «А в Енисейском остроге твоей государевой пахоты десятин со сто сорок»².

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что русские придавали острогам в Сибири важное значение. Судя по источникам, образ острога был сформирован к 1620-м гг., транслировался на протяжении всего XVII в. и сохранился в фольклоре русских старожилов XVIII – первой половины XX в. В этом образе нашли отражение характерные черты и механизмы политической идентификации Сибири в структуру Московского государства. Острог превратился в символ сплочения населения, заселяющего новые земли, отразив специфику первоначального этапа присоединения Сибири.

Список литературы

1. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. Т. 1. 564 с.

---

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 556. Л. 44-45.

² Там же. Стб. 274. Л. 25. Аналогично рассматривался Идинский острог (Там же. Стб. 376. Л. 48), забайкальские остроги (НИА СПбИИ. К. 18. Оп. 1. Стб. 6. Л. 1) и др.

2. Идентичность как предмет политического анализа / Отв. ред. И. С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 299 с.
3. Joireman S. Nationalism and Political Identity. London; New York: Cornwall, 2003. 198 p.
4. Хобсбаум Э. Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4. С. 35–57.
5. Eisenberg A. Reasons of Identity. A Normative Guide to the Political and Legal Assessment of Identity Claims. Oxford: Oxford University Press UK, 2009. 208 p.
6. Imagined Differences: Hatred and the Construction of Identity / Ed. Günther Schlee. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 288 p.
7. Курилов В. Н., Люцидарская А. А. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск: Изд-во СО АН, 1985. С. 26–46.
8. Люцидарская А. А. От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тезисы Международной научной конференции. Т. 2. Новосибирск, 1995. С. 165–169.
9. Люцидарская А. А. Колонизация Сибири: Человек и пространство // Народы Сибири: История и культура. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1997. С. 152–158.
10. Люцидарская А. А. Образы иноземцев в описаниях русских посланников (по материалам российских дипломатических миссий XVII в. в сопредельные государства) // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 3. С. 18–21.
11. Павлинская Л. Р. Коренные народы байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе Государства Российского: Очерки этнической истории. СПб., 1999. С. 165–271.
12. Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. 330 с.
13. Зуев А. С. Адаптация Российским государством социальных и потестарных структур сибирских народов (конец XVI – XVII в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: Материалы VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 3–13.
14. Резун Д. Я. Люди на сибирском фронтире в XVII-XIX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII-XX вв. Сборник материалов конференции. Новосибирск, 2003. С. 15–25.
15. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 206 с.

16. Майничева А. Ю. Религиозно-мировоззренческие аспекты адаптации культуры русских в Сибири в XVII-XX вв. (на примере зодчества) // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск: АртИнфоДата, 2004. С. 69–73.

17. Шерстова Л. И. Проблема переориентации аборигенного населения Южной Сибири в подданство России в XVII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2001. С. 300–303.

18. Шерстова Л. И. Русские и аборигены Южной Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Сборник научных статей. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 156–178.

19. Romaniello M. P. The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671. Madison: University of Wisconsin Press, 2012. 297 p.

20. Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier. The making of a colonial empire, 1500-1800. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2002. 292 p.

21. Кивельсон В. А. Картография царства: земля и ее значения в России XVII в. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 568 с.

22. Witzernath C. Cossacks and the Russian Empire, 1598–1725. Manipulation, Rebellion and Expansion into Siberia. London: Routledge, 2007. 260 p.

23. Geertz C. Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture // The Interpretations of Cultures. London, 1993. P. 3–30.

24. Rowntree L.B., Conkey M.W. Symbolism and cultural landscape // Annals of the Association of American Geographers. 1980. Vol. 70. No. 4. P. 419–476.

25. Tuan Ti-Fu. Space and place: humanistic perspective // Progress in geography. 1974. Vol. 6. P. 3–43.

26. Cosgrove D., Jackson P. New directions in cultural geography // Area. 1987. Vol. 19. No. 2. P. 81–105.

27. Ремезов С. У. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). СПб.: Археографическая Комиссия, 1880. 39 с.

28. Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири. Сост. тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. 1. М.: Федер. служба геодезии и картографии России; Рос. гос. б-ка, 2003. 152 с.

29. Ремезов С. У. Хорографическая книга Сибири / Библиотека Хьютона, Гарвардский университет, Кембридж [Электронный ресурс]: <http://pds.lib.harvar-d.edu/pds/view/18273155?n=1&printThumbnails=no> [27.08.2013].

30. Русский фольклор Прибайкалья. Сост.: Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский, Р. П. Арефьева. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1968. 285 с.

31. Сибирские летописи / Подгот. к изд. П. В. Павловым, Л. Н. Майковым. СПб.: Изд. имп. археогр. комиссии, 1907. 467 с.

32. Исторические песни XVII века. М.; Л.: Наука, 1966. 384 с.